

УДК 316.33(34)
ББК 60.5
С 69

Публикуется по решению
Ученого совета СИ РАН – филиала ФНИСЦ РАН

Рецензенты:
доктор социологических наук В.И. Ильин
кандидат исторических наук Т.Б. Щепанская

Социальное пространство большого города [монография] /
Отв. ред. Г. В. Еремичева. – СПб.: СИ РАН – филиал ФНИСЦ
РАН, 2018. – 406 с.
ISBN 978-5-94348-047-8

В монографии представлены результаты социологических исследований перемен в крупном современном городе. Работа подготовлена в рамках научного проекта «Социальное структурирование городских пространств в современной России», выполняемого Социологическим институтом ФНИСЦ РАН. В числе приоритетных тем – радикальные изменения в профессиональной и трудовой занятости, потреблении, повседневной культуре и досуге, миграционной и политической активности жителей города в условиях растущей урбанизации, продолжающегося экономического кризиса и углубляющегося социального неравенства.

Монография адресована всем интересующимся вопросами современной урбанистики, проблемами комплексного развития российских городов.

© Коллектив авторов, 2018
© СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН,
ISBN 978-5-94348-047-8 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	5
Раздел I. ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ	
Глава 1. Современные направления исследований российских городов.....	14
Глава 2. Урбанизация и труд: теоретические подходы.....	35
Глава 3. Ключевые исследователи в финской социологии города.....	44
Глава 4. Урбанизация в Китае: взгляд изнутри.....	55
Глава 5. Социальные конфигурации городских локальных сообществ.....	88
Раздел II. ЛЮДИ И ОБЪЕКТЫ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЖИЛИЩНЫЕ НЕРАВЕНСТВА, ПРАКТИКИ, ПОЛИТИКИ	
Глава 6. Освоение городского пространства через жилищное строительство и жилищную политику: ретроспективный и перспективный анализ.....	108
Глава 7. Семейный контекст жилищного кредитования в России: случай держателей ипотек.....	152
Глава 8. Жилищная стратификация в условиях трансформации жилищного сектора в Российской Федерации.....	173
Глава 9. Современный «спальный район» Санкт-Петербурга: пример освоения территории и градостроительной политики.....	193

эффективное использование эмпирической информации разного уровня (социальная статистика, количественная и качественная база данных) разные уровни доказательности и верифицируемости сделанных выводов.

В подготовке монографии участвовали:

Еремичева Г.В.: введение, главы 2 (в соавт. с Евдокимовой Е.П.), 3 (перевод с англ.), 6, 8, 9, заключение, общая редакция.

Бизюков П.В.: глава 14.

Евдокимова Е.П.: главы 2 (в соавт. с Еремичевой Г.В.), 10, 15.

Еременко Ю.В.: глава 17.

Земнухова Л.В.: глава 11.

Маннилла С.: глава 3 (перевод с англ. Еремичевой Г.В.).

Меньшикова Г.А.: глава 4 (в соавт. с Прuellем Н.А., Цянь Хаожанем).

Муфтахова А.Н.: глава 8.

Прuell Н.А.: глава 4 (в соавт. с Меньшиковой Г.А., Цянь Хаожанем).

Руденко Н.И.: глава 12.

Сергеева О.В. глава 16.

Тыканова Е.В.: главы 1, 5, 7 (в соавт. с Хохловой А.М.).

Хохлова А.М.: глава 5, 7 (в соавт. с Тыкановой Е.В.).

Цянь Хаожань: глава 4 (в соавт. с Меньшиковой Г.А., Прuellем Н.А.).

Чистякова Н.Е.: глава 13.

Глава 7. Семейный контекст жилищного кредитования в России: случай держателей ипотек

По результатам исследований жилищной ситуации, в Российской Федерации в улучшении жилищных условий нуждаются 61% семей. Эти семьи занимают жилые пространства, не соответствующие установленным санитарным нормам и не отвечающие потребительским требованиям населения (Куликов, Янин 2012: 36). Формально между 2000 и 2012 гг. произошло существенное увеличение обеспеченности населения общей площадью жилья: если в 2000 г. она составляла 29% от аналогичного показателя в США (19,2 и 66,3 кв.м. на человека соответственно), то в 2012 г. – уже 34% (23,4 и 69,7 кв.м. на человека) (Социальная политика... 2015). Однако эксперты критически оценивают формальный рост количества квадратных метров, приходящихся на душу населения, поясняя, в частности, что он, во-первых, обусловлен общим сокращением численности населения страны и, во-вторых, произошел преимущественно за счет наиболее обеспеченных граждан (Куликов, Янин 2012: 34).

Одним из ключевых инструментов улучшения жилищных условий граждан считается ипотечное кредитование, однако лишь небольшая доля россиян действительно прибегает к этой опции. Так, по имеющимся данным, в 2007 г. в кредитных жилищных программах с общим объемом выплат от 1 до 2 млн. руб. принципиально имели возможность участвовать около четверти российских домохозяйств, а в кредитных программах большого объема, то есть с общими выплатами от 2 до 3 млн. руб., – не более 14%. При этом реальными участниками жилищного кредитования оказались не более 5-7% домохозяйств. Среди причин, по которым большинство населения рассматривают ипотечное кредитование как недоступное для себя, выделяют низкую платежеспособность граждан, высокий уровень инфляции, высокую стоимость ипотечных продуктов, монополизацию рынка жилой недвижимости, а также недостаточную финансовую грамотность населения (Костикова, Ручкина 2017: 43-44; Российские домохозяйства... 2008).

Ипотечное кредитование в России появилось в 1990-х гг., однако получило распространение лишь в середине 2000-х гг. Поначалу россияне опасались ипотечных схем в силу правовой неопределенности, существовавшей в сфере жилищных услуг. В период экономических кризисов 2008-2009 и 2013 гг. из-за скачка курса валют пострадали держатели валютных ипотек (Дементьев 2015: 74; Костикова, Ручкина 2017: 44), самые активные из которых инициировали серию митингов, требуя реструктуриации кредитов (Валютные ипотечники блокировали Неглинную улицу... 2016).

Сегодня сформировался ряд общих формальных требований к потенциальным заемщикам. Так, они должны быть старше 18 лет и на момент последней выплаты по кредиту, за некоторыми исключениями, не должны достигать пенсионного возраста. Кредитополучатель не может тратить всю зарплату на погашение кредита: официально он имеет право расходовать на ипотеку не более 50% трудовых доходов (если держатель кредита состоит в браке, учитываются и доходы супруга). Принимая во внимание эти обстоятельства, можно предположить, что основной целевой аудиторией ипотечных программ являются молодые одинокие профессионалы и молодые семьи (Российские домохозяйства... 2008). В настоящий момент в стране реализуется направленная на улучшение жилищных условий молодых семей социальная программа «Жилье для российской семьи». В качестве основной задачи данной программы заявлена поддержка нуждающихся граждан в возрасте 25-40 лет и членов их семей в приобретении жилья (Морозова, Кияткина 2017: 209).

В данной статье мы обращаемся к вопросу о том, как решение взять ипотечный кредит трансформирует отношения внутри главного адресата современной российской ипотечной политики – молодой семьи, – и наоборот, как опыт семейных отношений опосредует обращение молодых людей к ипотеке и практики дальнейшего погашения жилищных кредитов. В частности, нас интересует, как на выбор ипотечного кредита и его погашение влияют кредитный опыт семьи и семейные ценности; как ситуация ипотеки заставляет заемщиков переосмыслить

отношения с брачными партнерами, сиблингами и иными родственниками и свойственниками; а также какой видят свою будущую семейную жизнь держатели ипотеки, на момент исследования не состоящие в браке или устойчивом партнерстве и не имеющие детей.

Ключевой аналитической категорией нашего анализа выступает понятие социального капитала как «совокупности реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания – иными словами, с членством в группе» (Бурдьё 2002: 66). Вслед за Дж. Коулманом, анализирующим формирование социального капитала в плотных закрытых сетях, характеризующихся сильными связями (Коулман 2001), мы склонны рассматривать такой капитал скорее как коллективный феномен, что определяет сложную нелинейную природу его приобретения и аккумуляции, не сводимую к рациональным интенциональным действиям отдельных индивидов. Вместо этого, приобретение, накопление и распределение социального капитала зачастую определяется эмоциональным и морально нагруженным характером отношений доверия в группе. Данные характеристики отличают «плотное» (*англ.* – *thick*) доверие в сильных связях (родство, дружба) от «тонкого» (*англ.* – *thin*) доверия в более поверхностных и анонимных слабых связях (Putnam 2000). В «плотном» доверии основой формирования социального капитала выступают регулярные персонализированные интеракции, причем доверие зачастую выступает своеобразным «побочным эффектом» отношений, который принимается как данность и проблематизируется только в ситуациях злоупотребления доверием (Там же). Таким образом, доверие может зависеть от наличия прошлых опытов доверия и взаимопомощи, а также памяти об этих опытах.

Эмпирическими материалами исследования послужили полуформализованные интервью с держателями ипотек в Санкт-Петербурге. В нашу типологическую выборку вошли 25 информантов в возрасте от 19 до 45 лет, которые являются

держателями ипотек в рублях или иностранной валюте. Это как одинокие, так и состоящие в браке кредиторы, выплачивающие ипотеку как самостоятельно, так и при содействии старших родственников и свойственников. В ходе исследования были зафиксированы различные модели документального оформления ипотечного кредита (самостоятельное оформление или оформление на родителей и других ближайших родственников), а также различные формы выплат (выплаты осуществляются исключительно информантами, частично родственниками или полностью родственниками). Собранные нарративы были последовательно подвергнуты открытому и осевому кодированию.

Опыт членов семьи в ситуации обращения к ипотечному кредитованию

При обращении к ипотеке для держателей принципиально важным становится предыдущий опыт жилищного кредитования членов семьи. Так, благоприятная кредитная история ближайших родственников может послужить стимулирующим фактором при обращении информантов к ипотеке, позволяя преодолеть страхи и неуверенность, связанные с кредитованием на крупную сумму:

«Наверное, опыт родителей. Наверное, знакомых таких нету, у родителей ипотеки самой не было. У них много кредитов было. На сами кредиты. У них сразу спрашивали, как там происходит всё. А так, только они <...> «...а так, если думали насчет того, что «а если что-то случится с отчимом», то это как раз связано с тем, что мама связана с ним в договоре о владельце. В договоре они вдвоем. А так в принципе ничего, наверное, никаких таких рисков не видели. У родителей это не первая ипотека» (Интервью 4, женщина, возраст неизвестен).

Напротив, финансовая неграмотность членов расширенной семьи будущего держателя ипотеки и результирующее неприятие ипотечного механизма, который в их глазах обрастает многочисленными негативными стереотипами, порождают напряжение и даже недоверие в отношениях родственников и формируют дополнительный моральный барьер при принятии решения о кредитовании:

«Все начинают: “Вот, опять, а зачем? Да вы что?! Это же столько стоит!” Может, это такое сознание немножко, что нельзя занимать. Откуда это идет? Откуда-то идет. А вот бабушка Д. говорит: “Профукаете все! Все профукаете! И отберут все эти капиталисты! И замучают, и посадят еще!” Какой-то страх перед чем-то новым. Сперва так – негативно – воспринимается. Потом, когда ты это уже сделаешь, начинаются расспросы: “А как? А что? А сколько вы теперь платите?”» (Интервью 5, женщина, 32 года).

Члены некоторых семей склонны сравнивать и оценивать стратегии жилищной мобильности друг друга, делиться опытом или, напротив, скрывать свой субъективно более удачный выбор от родственников, которые, в их представлении, оказались менее успешны в попытках улучшить свои жилищные условия:

«Ну, наверное, хорошо, но... мне кажется, начали считать бы мои деньги. Как бы она на третью работу пошла, ей уже тридцать пять. И она как бы только, ну, взяла ипотеку. И я вот такая: мне двадцать лет, я уже взяла. На Коменде, нормальный район, хороший. Тем более комфорт-класс. И она: в Девяткино эконом-класс на первом этаже, чтобы уже хоть что-то. Мне кажется, поэтому и не говорю. Пускай, тем более она строящаяся, пускай строится. Когда я буду уверена, что она хотя бы стоит, тогда уже ладно, можно будет сказать» (Интервью 1, женщина, 20 лет).

Таким образом, опыт других членов семьи в различных ситуациях становится для кредитополучателей и информационным ресурсом, и источником морального давления, и своеобразной точкой отсчета для оценки собственных жилищных выборов и стратегий.

Семейные ценности

Полученные нами эмпирические материалы свидетельствуют о том, что как собственно выбор ипотечного кредитования как способа жилищной мобильности, так и стратегии обращения с кредитом в краткосрочной и долгосрочной перспективах зачастую опосредованы семейными ценностями и отражающими их традициями. Пренебрежение этими ценностями может обернуться острыми внутрисемейными конфликтами. В частности, заемщики подвергаются осуждению со стороны старших родственников за их выбор, сопряженный с необходимостью «жить в долг»:

«Мы постоянно слышим, что эта квартира нам не по зубам, что в семье привыкли рассчитывать только на себя и не одалживаться ни у знакомых, ни у государства, тем более что будущее предсказать невозможно, и наши жизненные обстоятельства могут измениться к худшему» (Интервью 17, женщина, 34 года).

Другой исследовательский случай демонстрирует, каким образом семейные ценности формируют особые стратегии выплат по кредиту. Информант эмоционально описывает свои тревожные чувства в ситуации, когда она решилась на покупку жилья в ипотеку, и поясняет, что ее главная задача заключалась в том, чтобы как можно скорее покрыть «тело» кредита:

«Я вот только сейчас успокоилась. Я поняла, что большую часть кредита я уже выплатила. Ну, уж эти пятьсот тысяч я как-нибудь наскребу. В течение десяти-то лет, которые должна. Да, наскребу. Сейчас, вот, меня немножко отпустило. А в первые дни меня, честно говоря, трясло: «Как я буду, как я буду?!». Хотя мозгами-то я все понимала» (Интервью 21, женщина, 42 года).

Описанное чувство дискомфорта, сопряженное с ситуацией ипотечного долга, здесь можно объяснить давлением на информанта норм, привитых в родительской семье:

«Я никогда ни у кого не беру в долг. Потому что у меня проблемы, меня так воспитывали. И, оказывается, мой муж так же воспитан. Это, видимо, матери наши одиночки, которые нам

вложили, что надо жить на то, что у тебя есть. Потому что ты сейчас наберешь долгов, а что дальше-то с этим? Если ты заболел или еще что?» (Там же).

Таким образом, во многих интервью прослеживается столкновение ценностных ориентаций старшего поколения, осуждающих вступление в долговые отношения, и норм обществ позднего капитализма, в которых «жизнь в долг» рассматривается как легитимная часть биографической траектории современного горожанина. При этом информанты могут декларировать несогласие с «устаревшими» ценностями старших родственников, однако по-прежнему испытывают значительное влияние этих ценностей, усвоенных в раннем детстве.

Возвращение долга

В большинстве изученных нами случаев обращения к ипотечному кредиту держатели тем или иным образом прибегали к помощи ближайших родственников. Семейные инвестиции в ипотеку могли варьироваться от разового денежного взноса до получения наследства или, например, покрытия родственницей заемщика части кредита из средств материнского капитала (эта модель финансового участия представляет собой одну из разновидностей приоритетного в России использования материнского капитала – для приобретения жилья и погашения ипотечных кредитов, см.: Бороздина, Здравомыслова, Темкина 2012). В подобных ситуациях денежные отношения между родственниками редко подвергаются формальному закреплению: они, как правило, опираются на неформальные отношения доверия. При этом напряжение в семье может создавать как недостаточное доверие со стороны близких, так и, что особенно любопытно, доверие, оцениваемое информантами как чрезмерное, а потому смущающее и даже обязывающее.

Так, в условиях, когда родственники делают ипотечникам крупный денежный «подарок», перед последними встает ряд этических вопросов о принципиальной необходимости возврата полученных денежных средств и других инвестиций, а также сроках и формах такого возврата. В одних случаях помощь,

оказанная родственниками, однозначно интерпретируется информантами как безвозмездная:

«Ну, возвращать – нет. Вообще изначально, когда я поступала, уже такой вопрос встал: типа, ну, копить хотя бы на первый взнос, чтобы потом ну, с жильём не... ещё даже тогда не было известно, куда я поступлю, там... Ростов, Москва или Питер. В любом случае уже думали о квартире и собирали деньги» (Интервью 1, женщина, 20 лет).

Зачастую финансовый взнос со стороны родителей или других членов семьи интерпретируется как подарок, который не требует «отдарка»: *«Мы не думали об ипотеке. А потом уже наступил тот момент, когда уже нужно было их потратить, эти деньги, на жильё, и полсуммы подарили нам родители. Ну, как бы, на свадьбу подарили. И всё – остальное уже мы. И сейчас уже два года как прошло, мы платим»* (Интервью 4, женщина, возраст неизвестен).

В других случаях финансовая помощь рассматривается информантами как реципрокная, даже если родственники настаивают на ее безвозмездном характере. Соответственно, возврат планируется, однако отсроченный и в опосредованной форме. В частности, ответом на финансовую помощь может служить ценный подарок в будущем:

«Отдавать – да, но отдавать в данном случае получится только альтернативными вариантами: ну, там, вроде, у неё телевизор. Ну, скорее всего, на ближайшее день рождения куплю ей новый телевизор. Так, чтобы комфортно смотреть – и ничего не запаривало» (Интервью 6, женщина, 26 лет).

Иногда принцип взаимности инвестиций предполагает, что молодые люди будут оказывать старшим родственникам помощь в будущем, вкладывая финансовые средства и личные усилия в крупные общесемейные проекты:

«Родители мне не говорят: «[Имя информанта], ты нам вернёшь», – и в принципе это звучит как подарок. Это наша квартира (...) Возвращать, я думаю, что каким-то другим способом. Какой-то помощью, когда, там, на ноги встану, будет возможность помочь материально. Родители живут в своём

доме, частный дом, им всегда нужна какая-то помощь, какой-то ремонт всегда происходит, что-то делается. Поэтому никогда не будет лишним» (Интервью 2, женщина, 22 года).

Такая помощь может планироваться в ближайшем будущем или откладываться на годы, чтобы актуализироваться, когда родственники окажутся не в состоянии самостоятельно обеспечивать себя финансово:

«Может быть, у них не будет денег. Они станут пенсионерами. Я буду отдавать им просто как за помощь, помогать им уже. Когда им не будет хватать, я им уже буду помогать, больницы и так далее, это все впереди. Это реальность просто. Страшно, конечно, об этом думать, что им нужно и много всяких операций, это тоже уж понятно. Может быть, тогда помогу. Посмотрим, но я буду по максимуму им помогать, когда сама встану на ноги с мужем» (Интервью 4, женщина, возраст неизвестен).

Наконец, условия оказания помощи другими членами семьи при получении ипотечного кредита, могут регламентироваться четкой (формализованной или устной) договоренностью, основанной на принципе полного возмещения:

«Это накопления, и еще мы взяли в долг у бабушки небольшую сумму денег, но тут же ее вернули. Мама с зарплаты вернула» (Интервью 8, женщина, 25 лет).

При этом возмещение, как и в предыдущей модели, может носить отсроченный характер:

«Ну, получается, это наследство – оно моеё. Мы с моим отчимом, грубо говоря, поменялись. Я в будущем, когда мне достанется наследство от моей бабушки, я просто ему отдам. Там получается примерно такая же сумма, которую они внесли в первый взнос. Там тоже были такие небольшие проблемы с этим. То есть родственники его не понимали: думали, что мы тут ворует это наследство. На самом деле, как бы все честно. Никто никого обманывать не собирается. Главное, что мы друг друга поняли и все довольны в принципе сейчас» (Интервью 7, женщина, 21 год).

Такие договорные отношения зачастую позволяют информантам обращаться к ипотеке раньше, чем если бы они вынуждены были рассчитывать исключительно на свои силы, и не торопиться с продажей предыдущего жилья:

«Стартовых вложений, ну, получается, мне помогли родители, то есть они мне дали какую-то часть денег, то есть там такая договоренность, что, получается, у меня есть квартира в Кемерово, но она пока остается квартирой в Кемерово, а они мне дают часть денег, которые потом будут возмещены с продажи квартиры в Кемерово» (Интервью 10, мужчина, 29 лет).

Итак, финансовые отношения заемщиков с членами семьи, которые внесли вклад в погашение ипотечного кредита, могут варьироваться от рациональных договорных до эмоционально и морально нагруженных, когда отсутствие формальной необходимости возмещать расходы родственников компенсируется чувством долга и ощущением ответственности перед близкими. Сама «отдача» также принимает различные формы: от монетизированных выплат до подарков и практических услуг.

Проблематизация отношений в семье

Обращение к ипотеке может спровоцировать новые для семьи ситуации, когда некогда неформальные отношения оперативно подвергаются формализации. Например, пара спешит оформить официальный брак, чтобы рассчитывать на сниженную кредитную ставку для молодых семей: *«Это, кстати, была одна из причин, почему мы наконец-то решили пожениться, хотя нас в принципе все устраивало и так. Мы хотели выступить созаемщиками в ипотеке»* (Интервью 17, женщина, 34 года). Однако стремление к минимизации расходов при прохождении процедур оформления ипотечного кредита может стимулировать не только заключение брака, но и его расторжение:

«Сбербанк нам отказал тогда... Он нам предложил, так как у меня муж очень малооплачиваемый, и мы хотели... оформляли ипотеку, хотели оформить только на меня. И мы даже взяли нотариально заверенный брачный договор, что он не будет

претендовать на эту квартиру. Но Сбербанк нам всё равно отказал. Он предложил нам развестись. Фиктивный развод сделать. Мы обратились в ВТБ24, он нам без всяких вопросов одобрил» (Интервью 3, женщина, 49 лет).

Многие близкие родственники, отношения которых до ипотеки строились исключительно на доверии и взаимопомощи, сталкиваются с необходимостью документального оформления прав собственности. Переосмысление доверительных семейных отношений в правовых терминах вызывает значительный дискомфорт сторон (например, в ситуации оформления братом договора об отчуждении у сестры прав на долю семейной квартиры в обмен на его финансовое участие в погашении ее ипотеки в семье, где до получения ипотечного кредита обоюдная поддержка всегда регулировалась устными договоренностями):

«Но получилось так, что у нас есть договор с братом, потому что он, естественно, поскольку у него сейчас своя семья, он живет с мамой. И он уже хочет, чтобы эта квартира осталась ему. Соответственно, мы с ним договорились, что какую-то долю по [нашей] ипотеке, как бы, он погасит, и я буду отказываться от своей доли в квартире» (Интервью 14, женщина, 35 лет).

Выбор в пользу ипотеки как долгосрочного кредита может выступать своеобразным подтверждением серьезности намерений партнеров или даже дополнительным фактором, удерживающим пару вместе, но он также может осложнять и без того конфликтные отношения в семье, например, доставляя супругам дополнительные трудности во время развода:

«Мы просто наблюдали одну такую схему, как раз у нашей подруги и ее бывшего мужа <...>. Да, это был очень тяжелый период. Агрессивное неприятие друг друга. Поэтому нам невыгодно разводиться в ближайшее время. Видишь, какие гаранты наших семейных скреп имеют место быть» (смеется) (Интервью 17, женщина, 34 года).

Примечательным примером ситуации, в которой ипотечное кредитование оборачивается проблематизацией и реинтерпретацией семейных ролей, может послужить случай,

когда банковское учреждение не только принимает негативное решение о выдаче женщине кредита, но и «вытесняет» ее из дискурса, развернувшегося вокруг этого решения, что объясняется неолиберальной логикой сравнительной оценки доходов мужа и жены (подробнее о механизме патриархального «вытеснения» см.: Здравомыслова, Темкина 2007). Такое исключение рассматривается информантом как открытая дискриминация:

«Да, в 2008 г.. Я была не одна! Вот тут ключевой момент, конечно: деньги мои, да. Самое интересное, что мне даже не дали ипотеку! То есть я пошла, подала заявку, и мне сказали: “Нет, раз вы замужем, значит, нужно еще и мужу принести справки с работы”. Естественно, он получал больше. То есть ипотеку дали только ему, то есть. Я не могу! Будучи замужем, я почувствовала себя каким-то, блин, крепостным человеком! Я не могу ничего сделать без привлечения мужа. То есть да, а так как все смотрят на справку какую-нибудь, там, у кого больше зарплата, а все мы разговаривали, то тебя больше игнорировали. Вот такой интересный был эффект» (Интервью 5, женщина, 32 года).

Таким образом, эмпирические материалы демонстрируют, что ипотека выступает своеобразным критическим испытанием для семейных отношений, порой подтверждая их ценность или укрепляя их, а порой, напротив, осложняя внутрисемейную коммуникацию, проблематизируя узы доверия, связывающие родственников и свойственников, и приводя к пересмотру актуальных или потенциальных семейных ролей: родительских, сиблинговых, партнерских и пр.

Финансовые отношения в семье: управление кредитом, финансовая (со)зависимость и калькуляция рисков

Ситуация, когда супруги выступают созаемщиками и/или вместе несут бремя по выплате ипотечного кредита, приводит к формированию отношений финансовой (со)зависимости, что, в свою очередь, оказывает влияние на профессиональные траектории партнеров. Например, в супружеской паре только один из партнеров может позволить себе работу в проектных

группах с нестабильным заработком, тогда как другой должен непременно иметь регулярный доход:

«Суть в том, что у него тоже зарплата не растет, ему вот как раз повысили на три процента всего лишь в прошлый раз. Ну, вот они живут на его деньги, ипотеку тоже он платит, а вот когда, там, она получает, они вбрасывают» (Интервью 15, женщина, 35 лет).

Другим проявлением финансовой созависимости членов семьи в ситуации выплаты ипотечного кредита выступает перераспределение доходов, когда заработки одного из супругов полностью расходуются на покрытие кредита, тогда как остальные траты семьи осуществляются исключительно из средств второго супруга:

«Мы уже изначально решили, что деньги, которые... приходит зарплата моя, – это на ипотеку, а то, что приходит ему, – это нам на жизнь. Всё. Мы сразу с этим определились – и все. У меня частично ещё оставались деньги какие-то, то это тоже нам на жизнь. А если ещё оставалось побольше, отпуск, там, они платят, с этих часть мы откладывали на ремонт, то есть ещё вот так было» (Интервью 4, женщина, возраст неизвестен).

Погашение собственного кредита или помощь в выплатах, оказываемая другим членам семьи, порой вынуждают информантов и их близких к драматическому отказу от привычных повседневных трат и результирующей трансформации потребительских практик:

«Она стала меньше денег тратить, то есть раньше, если ей вещь нравилась, она покупала, не раздумывая, смотря на качество, естественно. Сейчас она этого не делает, то есть она выборочна в покупках. Она ограничивает на себя. Я не знаю, но если говорить о еде – мы стали меньше денег тратить на еду в семье. Но я знаю, что касается её эмоционального состояния, чувствует она себя не очень, потому что ипотеку дяди выплачивала тоже она. То есть там не всё, потому что он тоже выплачивал, но больше вложений сделала она. А тут, получается,

ещё и вторая ипотека на ней фактически, и ей несладко сейчас» (Интервью 8, женщина, 25 лет).

С другой стороны, ипотечное кредитование порой выступает удобным финансовым инструментом удовлетворения потребностей семьи, обеспечивающим родственников дополнительным «пространством для маневра». Так, существует принципиальная возможность использовать полученные деньги на нужды, не связанные с улучшением жилищных условий: например, в ситуации, когда ипотека становится ресурсом семейного бизнеса: *«Они как будто бы фиктивно продали ей квартиру, и она платила ипотеку. Но поскольку он уехал в эту клинику, а она развивала свой бизнес на его территории, эта ипотека считалась как бы арендным платежом. В общем, у них там совершенно деловые отношения, никто не в обиде»* (Интервью 21, женщина, 42 года).

Семейная политика неортодоксального толка, которая сегодня реализуется в России, поддерживает наиболее социально желательный тип семьи – полную нуклеарную семью с тремя и более детьми (Чернова 2010). Этот нормативный идеал нашел отражение и в жилищной политике: многодетные семьи в России вправе рассчитывать на социальную ипотеку с более низкими процентами, чем среднерыночные. Однако получение такого кредита влечет за собой временные и иные издержки, неприемлемые для основной массы работающих ипотечников: *«Они еще и многодетные. Но чтобы эту программу получить, О. отстояла огромную кучу очередей. Там это сложно. Но она сказала: “Окей. Я хочу это от государства получить”. И она с грудным младенцем приезжала, сутки там сидела. Доставала те бумажки, се бумажки. Я бы в жизни не вписалась. Мне проще заработать»* (Интервью 21, женщина, 42 года).

В целом же информанты редко рассчитывают на помощь государства: они открыто выражают недоверие государственным институтам и в случае кризиса полагаются исключительно на себя и ближайшее социальное окружение: *«Лично я понимаю, что я в своей жизни могу рассчитывать только на себя, на свою семью. На маму, на сестру в лучшем случае... Если вдруг что,*

если меня уволят, я к государству не обращаюсь, понятное дело» (Интервью 15, женщина, 35 лет). Именно отношения «плотного» доверия с родственниками и изредка близкими друзьями (Putnam 2000) обеспечивают их социальным капиталом, который может при необходимости конвертироваться в экономический, и воспринимаются как своеобразная «подушка безопасности» в критических ситуациях: *«Я и, может быть, мама, может быть, сестра... может быть, ещё пару подруг. Но, в первую очередь, мне бы хотелось рассчитывать на себя. Поэтому надо поднатужиться и собрать сумму»* (Интервью 9, женщина, 31 год).

Отсутствие иллюзий по поводу государственной поддержки и необходимость полагаться лишь на узкий круг близких заставляют информантов тщательно просчитывать риски, связанные с ипотечным кредитованием, и оценивать доступный объем выплат. Иногда информанты стараются перестраховаться, делая выбор в пользу «гарантированно приемлемого» кредита. Например, риск потерять работу заставляет информантов предпочесть покупку «промежуточного» жилья, даже если семья имеет принципиальную возможность, инвестировав все свои накопления и взяв большой кредит, сразу приобрести желаемое жилье: *«Я говорю: “Давай подождем, давай вот сначала нормально свяжемся с этим?” Потому что, естественно, если двухкомнатную, то это сразу же удорожание и удлинение сроков, как бы, и всего иже с ним. Потому что, естественно, ипотека зависит же и от первоначального взноса. То есть чем больше, тем как бы и выгоднее условия будут мои, чем больше, что ты платишь первоначальный взнос. А так бы это уменьшало его, то есть, соответственно увеличивало и срок, и процент, и всё-всё-всё»* (Интервью 14, женщина, 35 лет).

Таким образом, обращение к ипотеке заставляет заемщиков тщательно оценивать возможные индивидуальные и коллективные семейные риски, балансировать жилищные потребности и финансовые возможности, испытывать на прочность родственные отношения взаимной поддержки, идти на определенные жертвы, связанные с отказом от привычного

образа жизни, и в пределе включаться в отношения финансовой (со)зависимости.

Гендерные роли и планирование будущей семьи

Необходимость регулярных выплат по ипотечному кредиту может оказывать влияние на разнообразные виды долгосрочного планирования кредитополучателя, в том числе формируя представления о будущей собственной семье в тех случаях, когда он(а) не состоит в официальном браке и не имеет детей. Материалы нашего эмпирического исследования свидетельствуют о том, что женщины, не состоящие в браке и не имеющие на момент интервью устойчивых партнерских отношений, воспринимают приобретаемую в ипотеку квартиру как свое частное и приватизированное пространство, которое они не намерены делить с потенциальным супругом:

«Планирование семьи? Ну, парня у меня всё равно сейчас пока нету. Да и в любом случае, парня, который хочет в моей квартире жить, – иди нафиг, что за парень?! Значит, я двадцать лет мучаюсь, плачу ипотеку, как-то пытаюсь крутиться и учиться ещё, а ты, такой молодец, придёшь ко мне жить?! Ты мужик! Ну, нафиг!» (Интервью 1, женщина, 20 лет).

Более того, чтобы оставаться единственными собственниками приобретенного в кредит жилья, некоторые информантки сознательно отказываются от долгосрочных партнерских отношений, рассматривая брак как вопрос далекого будущего:

«Я рассчитываю на себя и не далее этого. Может, что-то изменится в ближайшие годы, но планировать какие-то семейные отношения, пока я не оформлю это всё в собственность... Потому что это же такие запары будут с бумагами по подтверждению собственности, если ты в браке. И вот нафиг оно мне надо?! Поэтому для меня это как поставить свою жизнь на ноги – а потом да, что-то можно планировать. То есть у меня все равно сейчас первичная цель, я не прям не до отношений, то есть встречаться с кем-то вполне можно, но что-то серьёзное строить на данный момент – ну никак. Просто для меня это как мозг забьёт. У меня вот есть большая задача – дом: когда он сдаётся, я получаю документы о

собственности, всё оформляю еще раз» (Интервью 6, женщина, 26 лет).

Такая готовность оставлять за семейно-брачными отношениями периферийную роль связана с тем, что молодые незамужние и не состоящие в отношениях женщины склонны рассматривать приобретенное в кредит жилье как своеобразный символ личной и профессиональной состоятельности и одновременно гарант независимости, капитал, которым можно самостоятельно распоряжаться в собственных интересах и интересах будущих детей, в том числе в кризисных ситуациях:

«Эта квартира, наверное, больше для меня. То есть я и рассматриваю как какой-то промежуточный этап; второе – как какой-то люфт в случае чего. Эту квартиру, как я уже говорила, можно сдавать, можно продать, можно ребёночку оставить. Если будет вариант получше, я бы выбрала вариант получше» (Интервью 9, женщина, 31 год).

Эта склонность воспринимать приобретенную жилплощадь как запас «на черный день» особенно характерна для тех информантов, которые имеют опыт семейной жизни в условиях острого дефицита жилищных ресурсов:

«В конце концов, даже если у меня все пойдет наперекосяк, начнет зарождаться семейная жизнь, а потом всё развалится, квартира в любом случае... пусть для моих детей будет жилплощадь. Пусть у моих детей что-то будет. Потому что, опять же, я с детства живу в большой семье, в квартире, которая всех не вмещает, и это все равно накаляет» (Интервью 6, женщина, 26 лет).

Настаивая на своем эксклюзивном праве на приобретенное в ипотеку жилье, опрошенные женщины, в соответствии с неотрадиционалистским гендерным порядком, распространенным в постсоветской России (Здравомыслова, Темкина 2007), ожидают от мужчин исполнения роли «добытчиков», возлагая на них ответственность за приобретение совместного «дома»:

«И еще, как бы, момент, что я не хочу, как бы, мужика приводить в дом. Как бы, кто кого должен приводить в дом? Вот

такой вот момент, но, в любом случае, даже если там, допустим, я там жить не буду, съедусь с молодым человеком и буду жить у него, например, то эта квартира будет либо сдаваться – опять же, повышение доходов, почему нет? – либо второй момент: у нас дома бывают сложные ситуации, когда мама уже просто хочет на хрен уехать просто» (Интервью 6, женщина, 26 лет).

Примечательно, что попавшие в выборку холостые мужчины действительно демонстрируют ожидаемое от них гетеронормативное поведение, приобретая квартиры с использованием ипотечного кредита уже в расчете на проживание в них будущих семей:

«То есть я приобретаю квартиру, и в случае, если все удастся, все будет хорошо, то я буду там жить с девушкой. Потом, возможно, у нас появятся дети, но квартира там двухкомнатная, поэтому сильно размещать этих детей я там пока не знаю. То есть там потребуются либо какие-то перестановки, либо в самой квартире, либо неожиданно расширять квартиру еще в несколько комнат» (Интервью 10, мужчина, 29 лет).

При этом приобретение квартиры для размещения будущей семьи характерно даже для тех информантов, которые на момент исследования не имели устойчивых партнерских отношений:

«Ну, тут скорее уж сама ипотека была с целью дальнейшего заведения своей семьи. Дальнейшие планы. Сложно сказать, в любом случае, какое-то влияние она оказывать будет, но пока это слишком далёкие планы» (Интервью 11, мужчина, 30 лет).

Как мы видим, в целом, планируя будущую семью и оценивая перспективы распоряжения купленной в кредит жилплощадью, заемщики склонны к воспроизводству доминантного гендерного порядка, характерного для современной России.

Выводы

Анализ полевых данных позволяет заключить, что обращение к ипотечному кредиту является переломным событием в жизни (молодой) семьи, актуализирующим уже существующие множественные риски в повседневной жизни заемщиков и создающим новые. В частности, под угрозу ставится не только финансовая стабильность семьи, но и сами отношения в ближнем круге. Хотя выбор в пользу ипотеки практически всегда осуществляется с учетом жилищного или кредитного опыта ближайших родственников, межпоколенческие различия в оценке рисков кредитования и принципиальной возможности жить в долг могут привести к внутрисемейному конфликту ценностей.

Противоречивым может оказаться и понимание помощи в покрытии кредита, оказываемой родственниками: семейный социальный капитал часто интерпретируется заемщиками как своеобразный «дар» (Portes, Sensenbrenner 1993), что сопряжено с отсутствием фиксированных объемов и сроков возмещения. Однако эта неопределенность «отдачи» не всегда воспринимается как само собой разумеющаяся. На микроуровне держатели ипотеки проблематизируют границу между формальным и доверительным в отношениях с представителями ближнего круга: излишне доверительные отношения вокруг имущественных рисков при недостаточной или отсутствующей формализации оцениваются как злоупотребление; и наоборот, формализация отношений в родственном окружении видится как обесценивающая «плотное» доверие в сильных связях (родство, дружба) (Putnam 2000).

Неолиберальная логика ипотечного кредитования приводит к проблематизации семейных ролей: брачных, родительских, сиблинговых и т.д. Так, долгосрочный жилищный кредит может приводить к росту напряжения между членами семьи, искусственно формализуя их отношения, но порой он, наоборот, стимулирует формирование сверхдоверия членов семьи друг к другу. С другой стороны, нахождение в ипотеке делает более «рельефной» трансляцию держателями жилищного кредита

существующего в России неотрадиционалистского гендерного порядка. Практика выдачи кредитов в ряде случаев сопряжена к дискриминационным «вытеснением» женщин из публичного пространства.

Семейную ситуацию осложняет финансовая (со)зависимость членов семьи, находящихся в процессе покрытия ипотечного кредита. Однако в целом, держатели ипотечных кредитов не склонны полагаться на патерналистское участие государства и в случае возникновения кризисных ситуаций готовы рассчитывать на себя, семью и близкое социальное окружение.

Литература

Бороздина Е.А., Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Как распорядиться материнским капиталом или граждане в семейной политике // Социологические исследования, 2012, 7(339): 108-118.

Бурдые П. Формы капитала / пер. с франц. М.С. Добряковой, науч. ред. В.В. Радаев // Экономическая социология, 2002, 3(5): 60-74.

Дементьев Н.П. Жилищная ипотека в современной России // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Социально-экономические науки», 2015, 15(1): 67-77.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Неотрадиционализм(ы) – трансформация гендерного гражданства в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход: коллективная монография. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 201-212.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Патриархат и патриархаты // Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 68-96.

Костикова Е.К., Ручкина Е.А. Анализ ипотечного жилищного кредитования в России в период 2012-2016 гг. // Современные инновации, 2017, 2(16): 41-45.

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий» / пер. с англ. Л. Стрельникова, А. Стасенко // Общественные науки и современность. 2001, 3: 122-139.

Куликов А.Г., Янин В.С. Жилищная политика и жилищная ипотека в России // Ежегодник «Виттевские чтения», 2012, 1; 32-55.

Морозова Е.В., Кияткина Е.П. Особенности развития жилищной политики в Российской Федерации // Инновационные стратегии развития экономики и управления. Самара: Самарский государственный архитектурно-строительный университет, 2017. С. 207-212.

Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение / отв. ред. Л.Н. Овчарова. М.: Независимый институт социальной политики, 2008.

Социальная политика: долгосрочные тенденции и изменения последних лет / Отв. ред.: Я.И. Кузьминов, Л.Н. Овчарова, Л.И. Якобсон. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.

Чернова Ж.В. Демографический резерв: молодая семья как объект государственной политики // Женщина в российском обществе, 2010, 1(54): 23-42.

Portes A., Sensenbrenner J. Embeddedness and immigration: notes on social determinants of economic action // American Journal of Sociology, 1993, 98(6): 1320-1350.

Putnam R. Bowling Alone. New York: Simon and Schuster, 2000.

Источники

Валютные ипотечники блокировали Неглинную улицу около здания ЦБ, задержаны несколько человек // Ведомости, 08.02.2016. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/news/2016/02/08/627851-valyutnie-ipotechniki-blokirovali-neglinnyu> (дата обращения 21.11.2018).